

Ирина шла за мной и широко улыбалась.

— Это хорошо. Я рада видеть, что Миледи улыбается. А теперь вам пора принимать лекарство.

— Урк.

Тошнота начала подкрадываться к моему рту.

Вместо того чтобы надеть пижаму, я побежала в спальню, соединённую с гардеробной.

— Убегать бесполезно, Миледи!

Я неумышленно начала играть в пятнашки с Ириной.

Но в итоге победила Ирина.

Я выпила все виды безвкусных, горьких лекарств и упала на кровать. С тех пор я катаюсь взад-вперёд по кровати и ем шоколад.

Ирина предложила мне попробовать вышивать, если мне скучно, но я оборвала её на полуслове и покачала головой. Я принадлежала к тому типу людей, которые не могут даже вставить нитку в игольное отверстие.

В ту ночь мне приснился странный сон.

В моём сне я была с Аделем, и мы стояли, прислонившись к камням, с жёлтым небом, долиной с серебристыми ручьями и розовыми гортензиями в полном цвету в качестве фона.

Адель был одет в слегка облегающую белую рубашку и тёмно-синие брюки, и жесткие, гладкие линии, которые были видны в его одежде, заставляли меня нервничать.

Похоже, он регулярно тренируется.

Его волосы, налитые солнечным светом, выглядели невероятно мягкими, и свежая улыбка на его живописном лице поразила моё сердце.

Я думала об этом, когда Адель поднял руку, а затем осторожно обхватил мою щеку.

Я наблюдала, как Адель открыл рот и чётко произнёс:

[Анастасия, давай поцелуемся?]

У него был очень приятный голос.

В нём было много нескрываемой привязанности.

[Я больше не могу этого выносить, потому что ты такая красивая.]

С-стоп!

Я изо всех сил попыталась проснуться.

Я попыталась открыть глаза и прикусить язык, и, к счастью, мне удалось проснуться прежде, чем губы Аделя коснулись моих.

Я резко встала и ахнула.

— Ха-ах... ха-ах... Что это был за сон?!

Моё лицо горит.

Почему, чёрт возьми, я так расстроена? Это потому, что этот сон был слишком реален?!

Я покусала ногти и снова села на кровать. Это заставляет меня думать, что у меня есть какие-то чувства к нему.

Нет! Я готова отдать Аделя Ольге в любое время!

— ...серьёзно.

Нежный свет зари мягко освещал мою спальню. Конечно, заснуть снова было невозможно.

Я пробормотала угрюмым голосом:

— Как досадно... Что я знаю о судьбе, которая начинается после моей смерти?

— Вы проснулись, Миледи? Господин прислал письмо.

К тому времени, как прошёл почти час с тех пор, как я проснулась, и я начала просматривать

любую книгу, чтобы избежать ненужных мыслей, вошла Ирина с письмом.

Семья Анастасии теперь и моя семья, поэтому я быстро выхватила письмо из её рук.

Конверт был изрядно помят, словно пересёк море.

Естественно, на моём лице появилась улыбка.

Время, которое я провела с этой семьёй, было коротким, но они сильно любили меня.

Граф Синклер был игривым человеком со своими детьми, а моя мать, Графиня, выглядела строгой, но на самом деле была довольно неуклюжей.

Мой брат всегда смеялся надо мной и часто бранился моими родителями.

Семья Анастасии была чрезвычайно заурядной, в отличие от других аристократических семей, ценивших свой образ перед другими.

Вот почему, я понятия не имею, почему первоначальная Анастасия, была несчастна.

Я хотела, чтобы в моей семье было меньше затяжных чувств и сожалений, и это был мой первый раз, когда я получала такую привязанность, поэтому я старалась быть как можно более дружелюбной.

Я осторожно вскрыла конверт и вытащила бумагу.

Содержание письма было относительно коротким.

<Моей самой красивой и симпатичной младшей сестре на всём белом свете.

Твои пожелания будут услышаны через дворецкого.

Я уверен, что тебе может быть очень больно, но спасибо тебе большое за то, что ты держишься.

Я сейчас в северном Мартинесе.

Отец и мать уехали на запад, и мы решили встретиться через пятнадцать дней.

p.s. Я знаю, что Лорд Магнус – безупречный человек, но не слишком ли он привязан к тебе?>

Меня удивило, что в постскриптуме упоминался Адель.

Внезапно мне вспомнился голос, который я слышала во сне.

Анастасия, давай поцелуемся?

Подождите минутку, почему я так себя чувствую?!

Что же мне делать?

...должна ли я просто "сломать" его?

Было бы несправедливо просто оставить всё как есть.

Это заставляет меня чувствовать, что я влюблена в Аделя.

Н-нет, вовсе нет!

Я лишь думаю, что Адель красивый!

Но он разочаровывает меня. Я имею в виду, он всегда делает вещи, которые бесят меня, но я также не могу не думать об этом как о милом...

Вот почему я должна быть более требовательной...

— Почему у вас такое выражение лица, Мисс?

Ирина бросила на меня очень обеспокоенный взгляд.

Я решила отомстить Аделю во второй раз.

Мне казалось, что я стала плохим человеком, который жаждет чужих мужчин. Но он недостижимый человек, поэтому я чувствую, что всё это несправедливо!

— Ирина, ты не могла бы меня накрасить?

Моя горничная широко раскрыла глаза.

— Но вы и так красавица, разве это необходимо?

Ты не должна этого знать.

— Ну пожалуйста...

Я мягко улыбнулась Ирине, и Ирина, которая купилась на эту улыбку, начала делать меня красивее, начав со стрижки бровей.

Процесс с ресницами и губами занял больше времени, чем я ожидала.

Пока Ирина делала мне макияж, Марин делала мне причёску.

Мои волосы были закреплены большим украшением из морских раковин.

Мои волосы завиваются очень легко, поэтому Марин закончила в мгновение ока.

Я надела пушистое домашнее платье и стала ждать Аделя. Это был идеальный наряд для чаепития.

Хотя на моём оранжевом шифоновом платье не было ни рисунка, ни украшений, оно трепетало при каждом моём движении, словно лепестки.

Адель приехал в то же время, что и вчера.

Я позвала Аделя на террасу.

— Добро пожаловать, Адель.

Он словно завис на некоторое время, но через некоторое время он, наконец, приветствовал меня улыбкой, похожей на кусочек облака в жарком июльском небе.

— Добрый день, Анастасия.

Мне понравился взгляд Аделя.

Он был совсем не откровенный, но он точно смотрел на меня дольше, чем обычно.

Я заговорила с Аделем взволнованным голосом.

— Я попросила повара приготовить имбирное печенье, которое ты любишь. Я буду в восторге,

если ты попробуешь его.

Адель ответил мне вежливым тоном.

— Ты не должна была этого делать. Мне достаточно просто увидеть твоё лицо. Но я благодарен тебе за ту услугу, которую ты оказала мне сегодня.

Адель сел напротив меня. Чайный столик был небольшой, так что мы могли держаться друг от друга умеренном расстоянии.

Я подождала, пока Адель возьмёт печенье, и, естественно, протянула руку, не сводя с него глаз.

Мои пальцы и пальцы Аделя соприкоснулись.

— Ах.

Адель поспешно отдёрнул руку.

— Это было невежливо с моей стороны. Пожалуйста...

— Нет. Сначала ты.

Я легонько рассмеялась. Если бы на его месте был кто-то другой, он бы сразу заметил мои дурные намерения, но я была уверена, что он останется в неведении.

Так как моя уверенность возросла, я решила быть немного более агрессивной.

— У тебя очень красивые руки. Могу ли я потрогать их?

— Мои руки жёсткие и грубые, но если ты этого хочешь...

Адель невинно протянул руку, и я положила свою ладонь на его руку.

Очевидно, у меня есть скрытый мотив, но по какой-то причине я чувствую себя довольно странно.

Я хотела, чтобы Адель чувствовал себя неловко и смущался, но... это всё обернулось против меня.

— У тебя очень длинные пальцы... Прямые и гладкие, – сказала я честно, не задумываясь;

Адель осторожно улыбнулся.

— Мне стыдно. Я тренируюсь фехтованию, поэтому у меня появляются мозоли, но они быстро исчезают.

Он был очень скромным, хотя на самом деле он был гениальным фехтовальщиком.

Я взглянула на него.

— Что ты думаешь о моей руке?

Адель на мгновение задумался, прежде чем заговорить.

— Гладкая. Она кажется маленькой и нежной. Я чувствую беспокойство, потому что мне кажется, что она сломается, если к ней приложить хоть каплю силы.

Я рассмеялась.

— Вчера я шла с тобой рука об руку, а теперь ты волнуешься?

— Это был импульсивный поступок. Я уже размышлял об этом. Хотя ты – моя подруга, я не должен был этого делать, если тебе от этого было неудобно. Ты, вероятно, сделала это потому, что я протянул руку первым. Ты, наверное, жалеешь об этом.

Я склонила голову набок. Достигают ли мои мысли его, когда мы держимся за руки?

— Сожалею? Нет, мне понравилось.

Красные, как драгоценные камни, глаза Адели засияли таинственным сиянием.

— Ты серьёзно?

— Да.

Адель ещё некоторое время помолчал и признался:

— Мне... мне понравилось... когда ты сердилась на меня.

— А?

— Другие люди всегда великодушны ко мне, когда я совершаю ошибки. Может быть, именно поэтому я стал более напыщенным. Но ты пыталась исправить мою ошибку. Я глубоко благодарен тебе за это.

Это было очень деморализующее замечание.

Адель даже не замечал меня.

Не было смысла краситься, носить яркое платье или даже вступать в лёгкий физический контакт. Всё это было бесполезно.

Он смотрит на меня не как на женщину, а как на человека, как на самого себя.

Внезапно мне показалось, что меня окатили холодной водой, и я отдёрнула руку. Потом я впилась в него взглядом.

— Адель.

— Да, Анастасия.

— Ты меня раздражаешь, – рявкнула я Аделью, который не мог понять всю ситуацию.

Адель извинился, не понимая, что он сделал не так.

— Прости. Неужели я совершил ещё одну ошибку?

— Хмпф!

Ты такой плохой парень.

Если бы это было так, то я не должна была говорить, что мне нравится держать тебя за руку!

А я ещё на что-то надеялась!

Адель Магнус думал об Анастасии Синклер из прошлого.

Адель, ты хороший человек. Но для меня ты всё усложняешь.

Она сказала ему это с усталым лицом месяц назад.

Анастасия часто плакала. Она была настроена пессимистично и сказала, что у неё было предчувствие, что её смерть приближается.

Адель, как образованный человек, старался вселить в неё надежду. Однако её ответ был холоден.

Анастасия восприняла утешение Аделя как насмешку.

Вот почему Адель попытался проанализировать все слова, которые она произнесла, чтобы понять, почему он не мог понять её ещё глубже. Однако было уже слишком поздно.

— Хотела бы я, чтобы ты был немым! Надеюсь, ты больше ничего не скажешь при мне! Ты не знаешь моего сердца, потому что у тебя есть всё! Ты не понимаешь, как я теперь несчастна и как отчаялась! Ты ничего не понимаешь!!!

Анастасия швырнула в Аделя вазу.

Осколки вазы, разбившиеся при ударе о стену, символизировали разбитое сердце Анастасии.

Прости, Анастасия.

Это было единственное, что он произнёс.

Адель извинялся до тех пор, пока Анастасии это не надоело.

<http://tl.rulate.ru/book/50319/1313980>